Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 621–637
http://journals.rudn.ru/international-relations

КИТАЙ В МИРЕ
CHINA IN THE WORLD

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-621-637
EDN: HEAMVP

Научная статья / Research article

Энергетический фактор в отношениях Китая с арабскими странами Персидского залива

Е.М. Савичева✉, А.М. Бребдани, А.К. Малаховский, А.А. Васин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
✉savicheva-em@rudn.ru

Аннотация. Проанализирован энергетический фактор в отношениях Китайской Народной Республики (КНР) с арабскими странами Персидского залива в контексте внешней политики Пекина за последние десятилетия. Опираясь на комплексный подход к изучению политики Китая в отношении арабских стран Персидского залива и неореалистическую парадигму, авторы ставят целью рассмотреть динамику отношений в энергетической сфере. С началом «политики реформ и открытости» Дэн Сяопина задачи экономического развития стали доминирующим фактором во внешней политике Пекина, что предопределило его долгосрочный интерес к установлению прочных связей с нефтегазодобывающими арабскими государствами Залива. Несмотря на волатильность и непредсказуемость обстановки в Ближневосточном регионе, Китай с конца 1990-х гг. последовательно расширяет сотрудничество в сфере энергетики с «аравийской шестеркой» — Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), Катаром, Бахрейном, Кувейтом и Оманом. Растущий спрос китайской экономики на энергоносители побудил Пекин к активному поиску внешних источников энергоресурсов. В первом десятилетии XXI в. Китай заложил в аравийском регионе фундамент долгосрочных связей, которые гарантируют ему обеспечение стабильных углеводородных поставок, что важно для поддержания энергетической безопасности. Во втором десятилетии взаимодействие Китая с арабскими странами Персидского залива вышло за рамки энергетического сотрудничества, будучи усиленным реализацией инициативы «Один пояс, один путь». В результате Китай выработал модель сотрудничества, в которой энергетика стала системообразующим фактором. Со временем китайское руководство пришло к выводу о необходимости усиления своего влияния на политические процессы в регионе, обеспечения стабильности, а следовательно, и своей энергетической безопасности, поскольку в краткосрочной и среднесрочной перспективе без поставок нефти с Ближнего Востока обойтись не удастся. Установлено, что в настоящее время Китай является одним из влиятельных торговых партнеров арабских стран Персидского залива, он также существенно нарастил и свое политическое присутствие в регионе, способствовав стабилизации отношений между Эр-Риядом и Тегераном. Тесное многоотраслевое сотрудничество между Китаем и арабскими государствами Залива во многом определит экономические перспективы и геополитическую значимость обеих сторон как международных акторов в формировании многополярного мира.

Ключевые слова: неореализм, Ближний Восток, ССАГПЗ, энергетическая безопасность, Один пояс, один путь, стратегическое партнерство

© Савичева Е.М., Бребдани А.М., Малаховский А.К., Васин А.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Сведения о финансировании. Публикация выполнена в рамках Проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных Проектов Российского университета дружбы народов (РУДН).

Вклад авторов. Савичева Е.М.: концептуализация, разработка методологии, научное руководство исследованием. Бребдани А. М.: проведение исследования, написание — подготовка черновика рукописи. Малаховский А.К.: визуализация, рецензирование, редактирование рукописи. Васин А.А.: работа с программным обеспечением, валидация данных. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Савичева Е. М., Бребдани А. М., Малаховский А. К., Васин А.А.* Энергетический фактор в отношениях Китая с арабскими странами Персидского залива // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 621–637. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-621-637; EDN: HEAMVP

Energy Factor in China's Relations with the Gulf Arab States

Elena M. Savicheva ✉, Ammar M. Brebdane, Alexey K. Malakhovsky, Andrei A. Vasin

RUDN University, Moscow, Russian Federation
✉savicheva-em@rudn.ru

Abstract. This article analyzes the energy factor in the People's Republic of China's (PRC) relations with the Arab states of the Persian Gulf in the context of Beijing's foreign policy in recent decades. Based on an integrated approach to studying China's foreign policy towards the Arab states of the Persian Gulf and the neorealist paradigm, the authors aim to examine the dynamics of these relations. Deng Xiaoping's "reform and opening-up" emphasized economic development objectives as the dominant factor in Beijing's foreign policy, leading to a long-term focus on establishing strong ties with the oil and gas-producing Arab states of the Persian Gulf. Despite the volatility and unpredictability of the situation in the Middle East, since the late 1990s, China has consistently expanded energy cooperation with the "Arabian six"— Saudi Arabia, the United Arab Emirates (UAE), Qatar, Bahrain, Kuwait, and Oman. The growing demand for energy in the Chinese economy has prompted Beijing to actively seek external energy sources. In the first decade of the 21st century, China has laid the foundation for long-term ties in the Arabian region, guaranteeing stable hydrocarbon supplies, which is essential for maintaining energy security. In the second decade, China's interaction with the Arab Gulf states expanded beyond energy cooperation, strengthened by the implementation of the Belt and Road Initiative. As a result, China developed a model of cooperation in which energy became a system-forming factor. Over time, China realized that it needed to strengthen its influence on the political processes in the region, ensuring stability and, consequently, its energy security, as oil supplies from the Middle East are indispensable in the short and medium terms. The authors conclude that China has currently become one of the most influential trading partners of the Arab Gulf states and has significantly increased its political presence in the region, contributing to the stabilization of relations between Riyadh and Tehran. Close multi-sectoral cooperation between China and the Gulf Arab states will largely determine the economic prospects and geopolitical significance of both sides as international actors in the formation of a multipolar world.

Key words: neorealist paradigm, Middle East, GCC, energy security, Belt and Road Initiative, strategic partnership

Funding sources. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 102502-2-000.

Authors' contributions. E. M. Savicheva: conceptualization, methodology development, scientific supervision of the study. A. M. Brebdane: research implementation, writing — preparation of the draft manuscript. A. K. Malakhovsky: visualization, review, editing. A. A. Vasin: software development, data validation. All authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Savicheva, E. M., Brebdane, A. M., Malakhovsky, A. K. & Vasin, A. A. (2026). Energy factor in China's relations with the Gulf Arab states. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 621–637. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-621-637; EDN: HEAMVP

Введение

На раннем этапе истории Китайской Народной Республики (КНР) ее политика на Ближнем Востоке и в других регионах во многом определялась реалиями холодной войны и ролью великих держав в мировой политике. Позднее, с началом «политики реформ и открытости» Дэн Сяопина (1979 г.), Пекин скорректировал свою внешнеполитическую стратегию, и вместо жестких идеологических установок в приоритете оказались задачи экономического развития. В Китае стали ориентироваться на расширение связей с ближневосточными государствами, в особенности нефтедобывающими. В 1990-е гг., после распада Советского Союза, усилившаяся озабоченность Пекина американской гегемонией на Ближнем Востоке побудила его вступить в весьма прагматичный диалог с арабскими странами Персидского залива, при том что потребности КНР в углеводородах неуклонно росли (рис. 1).

Указанные обстоятельства предопределили серьезный поворот в ближневосточной политике Пекина. Так, на Китай пришлось более двух третей роста мирового спроса на нефть в 2013–2023 гг. и одна треть роста мирового спроса на природный газ[1], а в 2024 г., согласно статистике Главного таможенного управления КНР и данным китайского издания *Caijing*, около 74 % потребляемой КНР нефти приходилось на импорт[2]. Таким образом, Китай кровно заинтересован в поиске дополнительных источников энергоресурсов для бесперебойного подпитывания своего экономического роста.

Именно из региона Залива Китай получает около половины объема импортируемой нефти[3]. В настоящее время доказанные запасы нефтяных месторождений в арабских монархиях Персидского залива составляют около 30 % от общемировых[4], а четыре страны региона: Королевство Саудовская Аравия (КСА), Ирак, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Кувейт — входят в десятку крупнейших мировых производителей нефти. Кроме того, Катар обладает одними из крупнейших в мире доказанных запасов природного газа: в 2024 г. он занимал шестое место по объему добычи природного газа, а также был третьим крупнейшим экспортером природного газа и вторым крупнейшим экспортером сжиженного природного газа (СПГ)[5].

В российской историографии наблюдается рост интереса к внешней политике Китая, в том числе на Ближнем Востоке. В этой связи обратим внимание на работы И.Р. Томберга (Томберг, 2012), Е.Н. Грачикова (Грачиков, 2015; 2019), Т.Л. Дейч (2018), Ж.В. Петруниной (Петрунина, 2016), Е.М. Савичевой, А.М. Бребдани, И.В. Рыжова (Савичева, Бребдани, Рыжов, 2022), Е.С. Мелкумян (2020).

Данное исследование основывается на неореалистической парадигме, которая рассматривает национальные интересы государства в качестве главной предпосылки его внешнеполитических действий. Ее применение, как полагают авторы, методологически обосновано для анализа внешней энергетической политики КНР, детерминированной национальными интересами и соображениями безопасности. Пекин, участвуя в глобальной геополитической конкуренции, вынужден просчитывать риски и выгоды, а также наращивать военную

[1] World Energy Outlook 2024 // International Energy Agency. 2024. P. 273. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/c036b390-ba9c-4132-870b-ffb455148b63/WorldEnergyOutlook2024.pdf (accessed: 02.02.2025).

[2] Downs E. China's Oil Demand, Imports and Supply Security: Testimony Before the U.S.-China Economic and Security Review Commission, Hearing on "China's Domestic Energy Challenges and Growing Influence over International Energy Markets". Washington, DC : U.S.-China Economic and Security Review Commission, April 24, 2025. P. 2. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2025-04/Erica_Downs_Testimony.pdf (accessed: 12.09.2025).

[3] China Country Analysis Brief // U.S. Energy Information Administration. November 2023. P. 13. URL: https://web.archive.org/web/20250427090913/https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/pdf/china-2023.pdf (accessed: 12.09.2025).

[4] Renewable Energy Markets: GCC 2023 // International Renewable Energy Agency (IRENA). 2023. P. 27. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2023/Dec/IRENA_Rnewable_energy_markets_GCC_2023.pdf (accessed: 12.09.2025).

[5] Country Analysis Brief: Qatar // U.S. Energy Information Administration. October 20, 2025. P. 1. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Qatar/Qatar2025.pdf (accessed: 12.12.2025).

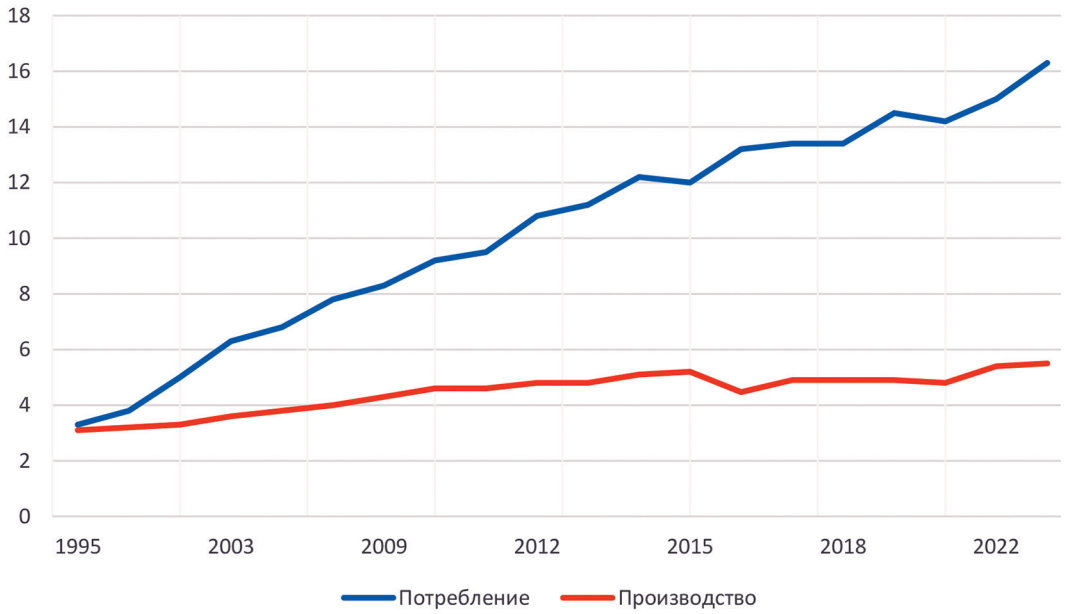

Рис. 1. Производство и потребление нефти и нефтепродуктов в Китае в 1993–2024 гг., млн барр. в день

Источник: China Overview // U.S. Energy Information Administration. May 19, 2025. URL: https://www.eia.gov/international/analysis/country/CHN (accessed: 02.08.2025).

и экономическую мощь для обеспечения своей энергетической безопасности. Применение междисциплинарного подхода обеспечило комплексный анализ отношений Китая с арабскими государствами Персидского залива, охватив ключевые направления их сотрудничества в энергетической сфере.

На пути долгосрочного энергетического сотрудничества со странами Залива

В вопросе освоения и использования нефтегазовых ресурсов Ближнего Востока китайские эксперты не всегда сходятся во мнениях. Обстановка в этом регионе отличается волатильностью и слабой предсказуемостью, вследствие чего некоторые из них ратуют за скорейшую диверсификацию источников энергии с тем, чтобы избежать чрезмерной зависимости от ближневосточных месторождений, полагая, что степень зависимости Китая от привозной нефти должна удерживаться в пределах 1/3, а кроме того, источники следует диверсифицировать, импортируя нефть из России, государств Центральной Азии и Ближнего Востока (Qian, 2010).

Рассуждения подобного рода представляются несколько упрощенными, поскольку добыча углеводородов наращивается повсеместно, однако ближневосточная нефть по-прежнему доминирует на глобальном энергетическом рынке. Так, в 2023 г. объем международной торговли сырой нефтью составил 2,1 млрд т, что соответствует уровню 2022 г. В экспорте лидирующую позицию занимает Ближний Восток, которому принадлежит 41 % от общего объема[6]. В то же время ресурсные возможности, например, стран Центральной Азии никак не смогут покрыть даже трети внешнего спроса Китая на углеводороды. Таким образом, с учетом современных реалий Китаю никак не обойтись без аравийской нефти. Очевидно, что дипломатическая активность КНР на Ближнем Востоке нацелена на создание для своих профильных корпораций режима благоприятствования в обеспечении стабильных поставок энергоносителей из региона, особенно учитывая бурный рост экономики страны и активное развитие науко-

[6] 2024 Statistical Review of World Energy // Energy Institute. P. 34. URL: https://www.energyinst.org/__data/assets/pdf_file/0006/1542714/684_EI_Stat_Review_V16_DIGITAL.pdf (accessed: 02.02.2025).

емких производств, требующих существенных затрат энергоресурсов.

До 1990 г. единственными странами Персидского залива, поставлявшими в Китай сырую нефть, были *Оман* и Иран (Leung, Li & Low, 2011). С первым Китай в 1979 г. подписал торговое соглашение сроком на 10 лет, которое затем неоднократно продлевалось. Султанат оставался одним из основных арабских партнеров Китая (Мелкумян, 2020). Так, в 1995 г. было подписано соглашение о пятикратном увеличении поставок нефти из Омана в Китай — с 20 до 100 тыс. барр./сут, а в 1996 г. из Омана в Китай было поставлено нефти и нефтепродуктов (главным образом горюче-смазочных материалов (ГСМ)) на 140 млн долл. США. Соответственно увеличивался и китайский экспорт в султанат (Han & Chen, 2018, p. 5). В 2005 г. стороны подписали соглашения об активизации сотрудничества в сфере экономики, нефти и газа[7], и с тех пор страны поддерживают регулярный диалог на высоком уровне.

В 1996 г. китайцы договорились о сотрудничестве в нефтяной отрасли с *Йеменом*, заключив контракт на закупки 30 тыс. барр./сут для нефтеперерабатывающего завода *Zhenhai*[8]. К 1999 г. Йемен стал вторым по величине поставщиком сырой нефти в Китай, экспортируя 4,1 млн т в год, уступая Оману (5 млн т), но опережая Иран (3,9 млн т) и Саудовскую Аравию (2,5 млн т) (Leung, Li & Low, 2011).

С начала XXI в. уже Саудовская Аравия и некоторые другие участники Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ или, как его называют, «аравийская шестерка»: Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Бахрейн, Кувейт и Оман) удовлетворяли растущий спрос Китая на сырую нефть, тогда как Йемен с его ограниченными ресурсными возможностями был отодвинут на задний план[9]. Начало такому сближению положила поездка в регион вице-премьера КНР Ли Ланьцина в 1993 г. (Ahmed, 2016, p. 193). Затем в 1999 г. тогдашний председатель КНР Цзян Цзэминь посетил Эр-Рияд, в результате чего было подписано двустороннее соглашение о расширении энергетического сотрудничества[10]. Китайские корпорации появились на саудовском внутреннем рынке, а аравийские спонсоры занялись нефтепереработкой в самом Китае (Fulton, 2020, p. 518).

Вектор дальнейшего развития задала серия двусторонних визитов на высшем уровне в 2006–2009 гг. Из них следует выделить первый зарубежный вояж короля Абдаллы II в Пекин (январь 2006 г.), когда было подписано пять отраслевых соглашений и обсужден ряд перспективных проектов. Ранее, в 2004 г., во время визита в регион главы КНР Ху Цзиньтао, стороны объявили о создании Китайско-арабского форума сотрудничества, под эгидой которого стал работать Энергетический форум (Yao, 2014). 11 февраля 2009 г. в Эр-Рияде встретились генеральный секретарь ССАГПЗ Абдул Рахман бин Хамад Аль Аттия и председатель КНР Ху Цзиньтао, который озвучил ряд предложений, в том числе запуск механизма стратегического диалога Китай — ССАГПЗ и создание ими зоны свободной торговли[11].

Китай стремился расширить сотрудничество и с *Ираком.* В июле 2004 г. Пекин открыл в Багдаде посольство и стал оказывать поддержку восстановлению системы госуправления после свержения режима С. Хусейна.

[7] Oman, China Sign Oil Supply Agreement // Kuwait News Agency. June 12, 2005. URL: https://www.kuna.net.kw/ArticleDetails.aspx?id=1568404&language=en (accessed: 02.02.2025).

[8] Yemen 3Q Price Formulas; China's Zhenhai Refinery Joins List of Crude Customers // Middle East Economic Survey. July 8, 1996. URL: http://archives.mees.com/issues/813/articles/31365 (accessed: 12.08.2025).

[9] Al-Khawlani H. China Prioritizes Gulf Economic, Oil Relationships; Yemen Can Wait // Sana'a Center for Strategic Studies. January 25, 2020. URL: https://sanaacenter.org/publications/perspectives-and-analyses/13002 (accessed: 02.02.2025).

[10] Memorandum of Understanding on Petroleum Cooperation between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Kingdom of Saudi Arabia // Embassy of the People's Republic of China in the Kingdom of Saudi Arabia. October 31, 1999. URL: https://sa.china-embassy.gov.cn/eng/zsgx/zzwl/201005/t20100528_2040548.htm (accessed: 12.09.2025).

[11] President Hu Jintao Meets with GCC Secretary General Al-Attiya // Consulate General of the People's Republic of China in San Francisco. February 12, 2009. URL: https://sanfrancisco.china-consulate.gov.cn/eng/xw/200902/t20090213_4390148.htm (accessed: 02.02.2025).

Курдский и иракский политический деятель Джаляль Талабани посещал Пекин до и после своего вступления в должность президента страны в 2005 г. В итоге были достигнуты соглашения, одно из которых касалось реализации нефтяных контрактов, заключенных еще при прежнем режиме в Багдаде. Было списано 80 % долга Ирака (8,5 млрд долл. США)[12], а китайские компании *China National Petroleum Corporation* (CNPC), CNOOC и *Sinopec* приступили к работе в местных нефтеносных районах (Al-Shafiy, 2015). В 2008 г. был перезаключен контракт от 1997 г. с CNPC, и эта госкорпорация получила права на освоение нефтяного месторождения Аль-Хадаб. Она же в 2009 г. приобрела 29-летний субподрядный контракт на разработку крупнейшего месторождения Румайла (где ей принадлежат 37 %, а другие доли отошли британской BP и иракской национальной *Basra Oil Company* (BOC)). В декабре 2009 г. вновь CNPC выиграла второй раунд лицензирования на предмет долевого участия (37,5 %) по месторождению Халфавия в партнерстве с французской *Total* (18,75 %), малайзийской *Petronas* (18,75 %) и иракской *BOC* (25 %). В мае 2010 г. Китайская национальная оффшорная нефтяная компания *CNOOC* в партнерстве с турецкой *TPAO* выиграла тендер на разработку месторождения Майсан. Доля китайской компании достигла 63,75 %, и она стала основным оператором (для иракских буровиков составила 25 %, турецких — 11,25 %) (Al-Shafiy, 2015).

В ходе визита в Пекин в июле 2004 г. шейха С. ас-Сабаха (в статусе премьер-министра *Кувейта*) стороны подписали рамочное соглашение о сотрудничестве в нефтегазовой сфере[13]. В 2005 г. *Kuwait Petroleum Corporation* (KPC) открыла офис в столице КНР[14]. К концу того же года *Kuwait Petroleum International* (KPI, дочерняя компания KPC) подписала Меморандум о взаимопонимании с китайской *Sinopec* на предмет строительства нефтеперерабатывающего комплекса в г. Чжаньцзян[15]. В проект были включены нефтеперерабатывающий завод мощностью 15 млн т в год (300 тыс. барр./сут)[16] и установка крекинга этилена с годовой производительностью 1 млн т. Кроме того, в 2009 г. *Sinopec* получила 400-миллионный контракт на возведение пяти нефтегазовых установок, позволявших (согласно ожиданиям того времени) к 2020 г. увеличить добычу нефти в Кувейте более чем на 4 млн барр./сут[17]. Проект был реализован, но добыча нефти в Кувейте в 2020 г. составила лишь 2,439 млн барр./сут[18].

Что касается *Катара*, то Китай закупал у него СПГ[19]. В 2009 г. был открыт офис CNOOC в Дохе, и в тот же период реализовывались долгосрочные соглашения *Qatargas* с CNOOC и *PetroChina*: CNOOC должна была получать 2 млн т СПГ в год в течение 25 лет, а *PetroChina* — 3 млн т СПГ в год в течение 25 лет. Совокупный объем контрактных поставок достигал 5 млн т СПГ ежегодно[20]. Эмират превратился в крупнейшего экспортера СПГ в Китай. Если в 1999 г. объем поставок оценивался в 100 млн долл. США, то к 2010 г. — уже в 1 млрд долл. США (Davidson, 2010, p. 30). В 2023 г. Катар экспортировал в Китай 16,7 млн тонн сжижен-

[12] China Cancels 80% of Iraq's Debt // The Sydney Morning Herald. February 3, 2010. URL: https://www.smh.com.au/business/china-cancels-80-of-iraqs-debt-20100203-nbc9.html (accessed: 02.02.2025).

[13] Niazi K. Kuwait Looks Towards the East: Relations with China // Middle East Institute Policy Brief. 2009 (September). No. 26. P. 4. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/106361/No_26_Kuwait_looks_towards_the_east.pdf (accessed: 12.09.2025).

[14] Ibid. P. 6.

[15] Niazi K. Kuwait Looks Towards the East: Relations with China // Middle East Institute Policy Brief. 2009 (September). No. 26. P. 4. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/106361/No_26_Kuwait_looks_towards_the_east.pdf (accessed: 12.09.2025).

[16] Ibid.

[17] Kuwait Oil Company Awards Deal to Sinopec // Middle East Business Intelligence. April 7, 2009. URL: https://www.meed.com/kuwait-oil-company-awards-deal-to-sinopec/ (accessed: 02.02.2025).

[18] Kuwait's Oil Revenues Drop Last Year by About 42.5 Percent // Times Kuwait. May 21, 2021. URL: https://timeskuwait.com/news/kuwaits-oil-revenues-drop-last-year-by-about-42-5-percent (accessed: 12.09.2025).

[19] U.S. Energy Information Administration Country: Analysis Executive Summary: China. Full report, September 30, 2020. URL: https://www.eia.gov/international/analysis/country/CHN (accessed: 15.08.2025).

[20] Qatar in LNG Deal with PetroChina, CNOOC // Reuters. July 18, 2008. URL: https://www.reuters.com/article/world/china/qatar-in-lng-deal-with-petrochina-cnooc-idUSPEK184556/ (accessed: 12.09.2025).

ного природного газа на сумму около 13 млрд долл. США, заняв второе место по этому показателю после Австралии[21].

В ноябре 2008 г. китайская *China Petroleum Engineering and Construction Corporation* (CPECC) была выбрана в качестве подрядчика по проекту нефтепровода Абу-Даби (Хабшан-Фуджайра) в Объединенных Арабских Эмиратах[22]. Стоимость заключенного контракта составила 3,29 млрд долл. США. Реализация комплекса работ в рамках контракта осуществлялась CPECC при участии CNPC и Управления нефтегазовых трубопроводов КНР (*China Petroleum Pipeline Bureau*). Только за последние несколько лет импорт сырой нефти из ОАЭ в КНР увеличился на 40 % — с 480 тыс. барр./сут в 2021 г. до 674 тыс. барр./сут в 2022 г.[23]

Таким образом, Китай заложил в субрегионе Залива фундамент долгосрочных связей, которые гарантируют ему поступление энергоносителей в количестве, достаточном для дальнейшего развития его экономики. Такой подход был реализован через множество соглашений, подписанных Китаем с аравийскими монархиями. Активная энергетическая дипломатия Пекина демонстрировала заинтересованность китайских корпораций в инвестировании в арабские энергоресурсы, участии в разработке месторождений и других отраслевых проектах (Грачиков, 2015, с. 213). Китаю необходимы непрерывные «вливания» нефти в экономику. В свою очередь, ближневосточные страны — экспортеры «черного золота» нуждаются в огромном китайском рынке, и эта взаимозависимость вывела стороны на новый уровень партнерства, выходящий далеко за рамки углеводородного взаимодействия и уже охватывающий сферы военно-промышленного комплекса (ВПК), финансово-экономического сотрудничества, а также искусственного интеллекта (ИИ). Очевидно, что отношения Китая и стран ССАГПЗ не исчерпываются и не будут исчерпываться сугубо энергетическим фактором.

Энергетический фактор в рамках стратегий партнерства и инициативы «Один пояс, один путь»

После провозглашения Пекином знаменитой инициативы «Один пояс, один путь» (2013 г.) вектор сотрудничества в области энергетики между дальневосточной великой державой и арабскими странами был дополнен новым содержанием. Помимо прочего, провозглашенная инициатива стала своего рода ответом Китая на «стратегию окружения», применяемую Соединенными Штатами в Восточной Азии (He & Feng, 2018), то есть антитезой стратегии президента Б. Обамы «разворот к Восточной Азии» (2012 г.), которую в Пекине интерпретировали как стремление американцев к сдерживанию Китая (Clarke, 2020).

5 июня 2014 г. на 6-й министерской встрече Форума китайско-арабского сотрудничества председатель КНР Си Цзиньпин в своей речи «Упор на продвижение духа Шелкового пути и углубление китайско-арабского сотрудничества» изложил ключевые принципы политики Пекина в контексте вышеупомянутой инициативы. В частности, он заявил: «Обе стороны должны обладать более широким видением и практическим подходом к развитию модели сотрудничества „1+2+3“. В этой модели энергетическое сотрудничество рассматривалось в качестве ядра, а строительство инфраструктуры и торгово-инвестиционное взаимодействие — в виде еще двух направлений плюс три области высоких технологий — ядерная

[21] Downs E. China's Oil Demand, Imports and Supply Security: Testimony Before the U.S.-China Economic and Security Review Commission, Hearing on "China's Domestic Energy Challenges and Growing Influence over International Energy Markets". Washington, DC : U.S.-China Economic and Security Review Commission, April 24, 2025. P. 4. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2025-04/Erica_Downs_Testimony.pdf (accessed: 12.09.2025).

[22] Abu Dhabi Crude Oil (Habshan-Fujairah) Pipeline Project // Hydrocarbons Technology. URL: https://www.hydrocarbons-technology.com/projects/abu-dhabi-pipeline/ (accessed: 22.06.2025).

[23] China Country Analysis Brief // U.S. Energy Information Administration. November 2023. P. 12. URL: https://web.archive.org/web/20250427090913/https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/pdf/china-2023.pdf (accessed: 12.09.2025).

энергетика, космос и прорывные энергетические технологии[24]. Таким образом, взаимодействие с арабским миром стало неотъемлемым компонентом китайской инициативы «Один пояс, один путь» (Sun, 2015).

В 2015 г. Китай официально вышел на первое место в мире по импорту сырой нефти[25], причем почти половина ее была ближневосточного происхождения. В январе 2016 г. Си Цзиньпин посетил КСА и Арабскую Республику Египет (АРЕ). Выступая в каирской штабквартире Лиги арабских государств (ЛАГ), он очертил актуализированное видение концепции Пекина: «Нам надлежит продвигать новую модель сотрудничества „нефть и газ плюс“, а также стремиться к новым горизонтам китайско-арабского стратегического партнерства в области энергетики, которое характеризуется взаимовыгодным характером, безопасностью, надежностью и дружбой в долгосрочной перспективе»[26]. Многие китайские эксперты считают, что энергетические интересы Китая на Ближнем Востоке должны трактоваться в качестве базовых, поскольку «ближневосточная энергетика существенно влияет на устойчивый рост» КНР (Zeng, Xiao & Breslin, 2015, p. 260).

10 июля 2018 г. в Пекине состоялось 8-е министерское заседание Форума китайско-арабского сотрудничества под председательством члена Госсовета, министра иностранных дел КНР Ван И. В своем выступлении он призвал стороны к установлению стратегического партнерства, укреплению доверия и надежной поддержке взаимных интересов. По оценке министра, результатом проводимой Пекином политики в арабском регионе явилось установление партнерских отношений (разного уровня) со следующими странами: «всестороннее стратегическое партнерство» с Саудовской Аравией (2016 г.), Египтом (2014 г.), ОАЭ (2018 г.) и Алжиром (2014 г.), а также «стратегическое партнерство» с Оманом (2018 г.), Кувейтом (2018 г.), Катаром (2014 г.), Ираком (2015 г.), Иорданией (2015 г.), Джибути (2017 г.), Суданом (2015 г.) и Марокко (2016 г.). Итогом мероприятия стала Декларация действий по китайско-арабскому сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один путь», в которой отражена важность арабского региона в реализации этой масштабной инициативы[27]. По выражению Ван И, «стремительно вырисовывается общая конфигурация совместного строительства „Одного пояса, одного пути“ на Ближнем Востоке»[28].

Новые подходы к стратегическому партнерству Китая со странами Залива в энергетике

Обеспечение энергетической безопасности стало ключевым фактором во взаимодействии Китая и «аравийской шестерки». Отношения сторон, как уже отмечалось, со временем обрели формат всестороннего партнерства, что во многом было обусловлено быстро растущим торговым обменом, в котором энергоносители составили подавляющую часть. Уже к 2010 г.

[24] Xi Jinping Attends Opening Ceremony of Sixth Ministerial Conference of China-Arab States Cooperation Forum and Delivers Important Speech Stressing to Promote Silk Road Spirit and Deepen China-Arab Cooperation // Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Iraq. June 5, 2014. URL: https://iq.china-embassy.gov.cn/eng/zygx/zxxx/201406/t20140612_2517525.htm (accessed: 02.02.2025).

[25] McSpadden K. China Has Become the World's Biggest Crude Oil Importer for the First Time // Time. May 11, 2015. URL: https://time.com/3853451/china-crude-oil-top-importer/ (accessed: 15.08.2025).

[26] Xi Jinping Delivers Important Speech at Headquarters of the League of Arab States, Stressing to Jointly Create a Bright Future for Development of China-Arab Relations and Promote National Rejuvenation of China and Arab States to Form More Convergence // Embassy of the People's Republic of China in the Kingdom of Saudi Arabia. January 22, 2016. URL: https://sa.china-embassy.gov.cn/eng/zt/2/201601/t20160127_2040707.htm (accessed: 22.06.2025).

[27] Declaration of Action on China—Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative // China—Arab States Cooperation Forum. July 10, 2018. URL: http://www.chinaarabcf.org/chn/lthyjwx/bzjhywj/dbjbzjhy/201807/P020210828263718115188.pdf (accessed: 02.02.2025).

[28] Wang Yi: The Joint Building of the Belt and Road between China and Arab States in the Middle East is Rapidly Taking Shape // Ministry of Foreign Affairs. People's Republic of China. July 10, 2018. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/zzjg_663340/xybfs_663590/dqzzywt_663826/202406/t20240606_11384726.html (accessed: 15.08.2025).

Пекин заменил Вашингтон в качестве крупнейшего торгового партнера стран Ближнего Востока[29]. Упомянутый выше тренд продолжил свое стремительное развитие, что нашло подтверждение, в частности, в проведении в декабре 2022 г. саммита КНР — ССАГПЗ, по результатам которого увидело свет совместное заявление сторон и план действий по стратегическому диалогу на 2023–2027 гг.

В докладе о результатах сотрудничества Китая с арабскими странами в энергетической сфере, подготовленном Институтом экономических и технологических исследований компании CNPC (сентябрь 2023 г.), также подтверждалось стремление Пекина и далее продвигать энергетическое и торговое сотрудничество с арабскими странами. К примеру, объем экспорта энергоносителей из Саудовской Аравии в Китай значительно вырос — с 1,5 млрд долл. США в 2000 г.[30] до почти 54 млрд долл. США в 2023 г. (Çevik, 2025, p. 199). В 2019 г. Саудовская Аравия экспортировала в Китай рекордные 1,67 млн барр. нефти в день, увеличив поставки на 47 % и став крупнейшим поставщиком нефти в Китай, впервые за четыре года обогнав Россию, которая ранее занимала первое место[31].

В 2020 г., в условиях распространившейся глобальной пандемии, Саудовская Аравия продолжала возглавлять список мировых поставщиков энергоносителей в Китай — на ее долю приходилось около 16 % от общего объема импорта нефти Китаем на сумму 28,1 млрд долл. США. Саудовская Аравия и Россия были двумя основными поставщиками сырой нефти в Поднебесную в 2022 г., их доля составила по 18 % от общего объема импорта[32] (рис. 2). Однако санкции и потолок цен, введенный на российскую сырую нефть в начале 2023 г., привели к большим скидкам на поставку такого сырья из России. Из-за более низких цен Москва обогнала Эр-Рияд в 2023 г., став основным источником импорта сырой нефти в Китай[33].

Китай является для КСА самым прибыльным рынком, тем более с учетом того, что США резко сократили импорт нефти ввиду обращения к нетрадиционным источникам. В последние годы экономическая составляющая китайско-саудовских связей продолжала нарастать. Так, в конце 2018 г. *Saudi Aramco* получила ряд серьезных контрактов, благодаря которым стала крупнейшим поставщиком нефти в Китай. 2019 г. ознаменовался заключением 35 соглашений на сумму более 28 млрд долл. США, касающихся двустороннего сотрудничества в различных областях, начиная с энергетики[34]. Было подписано несколько меморандумов о взаимопонимании в сфере инвестиций в переработку, в том числе соглашение между *Saudi Aramco* и *Norinco* о строительстве в провинции Ляонин нефтеперерабатывающего завода стоимостью 10 млрд долл. США (строительство началось в марте 2023 г.). *Saudi Aramco* приобрела 9-процентную долю в нефтеперерабатывающем заводе в г. Чжоушань, а также нефтехранилища для других азиатских рынков в Азии[35]. Таким образом, инвестиции Эр-Рияда в нефтеперерабатывающую промышленность КНР положили начало взаимовыгодному двустороннему инвестиционному обмену в сфере энергетики.

[29] Hornschild S. China in the Middle East: Not Just About Oil // Alert / European Union Institute for Security Studies (EUISS). 2016 (July). No. 31. P. 1. URL: https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/EUISS-China%20in%20the%20Middle%20East-not%20just%20about%20oil.pdf (accessed: 12.09.2025).

[30] Alhamawi L. How China Became Saudi Arabia's Top Trading Partner, Revived Ancient Silk Road // Arab News. December 8, 2022. URL: https://backup.arabnews.com/node/2213231/business-economy (accessed: 12.09.2025).

[31] Paraskova T. Saudis Boost Crude Oil Exports to China By 47% In 2019 // Oil Price. January 31, 2020. URL: https://oilprice.com/Energy/Energy-General/Saudis-Boost-Crude-Oil-Exports-To-China-By-47-In-2019.html (accessed: 22.06.2025).

[32] China Country Analysis Brief // U.S. Energy Information Administration. November 2023. P. 12. URL: https://web.archive.org/web/20250427090913/https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/pdf/china-2023.pdf (accessed: 12.09.2025).

[33] Ibid.

[34] Saudi Signs 35 Agreements with China Worth $28bn // Gulf Business. February 22, 2019. URL: https://gulfbusiness.com/saudi-aramco-sign-china-refinery-deals-crown-prince-visit-sources/ (accessed: 22.06.2025).

[35] El Gamal R., Aizhu C., Zhang M. Saudi Aramco Shifts Strategy in China to Boost Oil Sales // Reuters. March 14, 2019. URL: https://www.reuters.com/article/us-saudi-aramco-china-oil-idUSKCN1QV1JC (accessed: 22.06.2025).

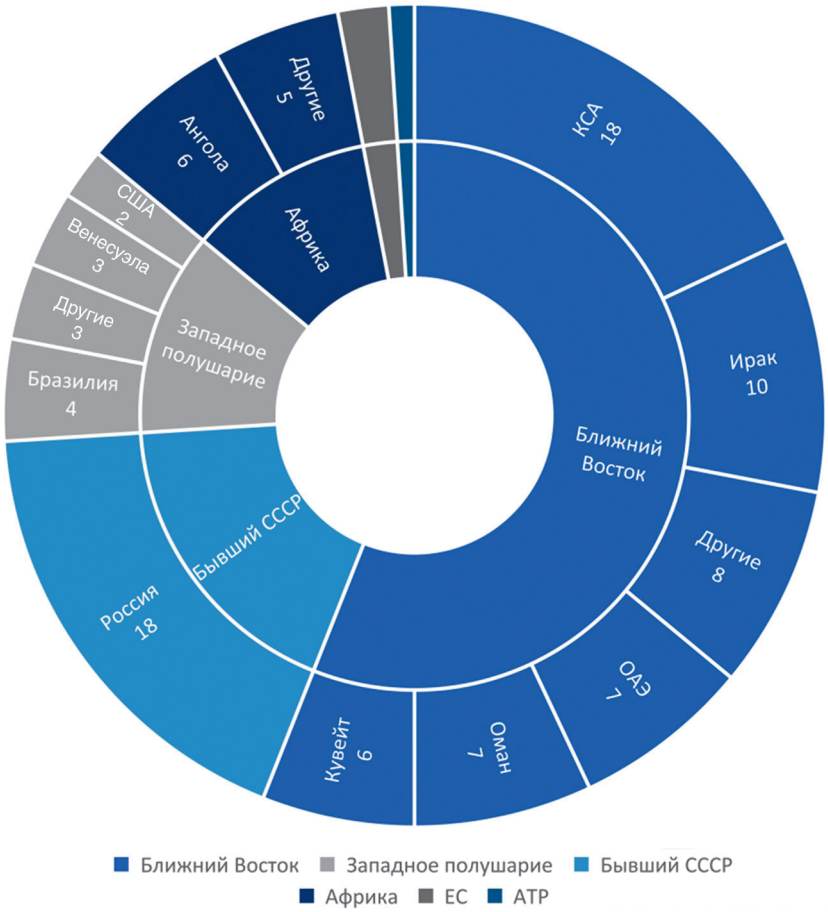

Рис. 2. Доля Ближнего Востока в импорте сырой нефти и конденсата в Китай в 2022 г., %:
сумма может отличаться от 100% из-за округления

Источник: China Country Analysis Brief // U.S. Energy Information Administration. November 2023. P. 13. URL: https://web.archive.org/web/20250427090913/https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/pdf/china-2023.pdf (accessed: 12.09.2025).

Председатель КНР Си Цзиньпин во время государственного визита в Саудовскую Аравию в декабре 2022 г. заявил, что Пекин готов инвестировать в амбициозный саудовский проект «Видение — 2030» (Фролов, 2023), ставивший целью уменьшение зависимости от экспорта нефти, диверсификацию экономики, развитие зеленой энергетики, инфраструктуры, здравоохранения, образования и проч. Кроме того, в саудовской столице рассматривается возможность перевода части расчетов за нефтяной экспорт в китайские юани[36]. В настоящее время энергетический диалог между КСА и КНР оказывает заметное влияние на мировую экономику и геополитику.

Ирак в последние годы вошел в пятерку основных поставщиков сырья для нефтеперерабатывающей промышленности КНР (см. рис. 2). В добывающем секторе республики весьма заметно присутствие китайских нефтяных компаний: CNPC, *Sinopec*, CNOOC, *PetroChina*, *Zhenhua Oil* и др. Вывоз иракской нефти в Китай вырос с 28 тыс. барр./сут в 2007 г. до 573 тыс. барр./сут в 2014 г., а в 2024 г. достиг 1,19 млн барр./сут[37]. Ирак является третьим по величине мировым поставщиком нефти в Китай и вторым среди арабских стран. В сен-

[36] Said S., Kalin S. Saudi Arabia Considers Accepting Yuan Instead of Dollars for Chinese Oil Sales // The Wall Street Journal. 15 March 2022. URL: https://www.wsj.com/articles/saudi-arabia-considers-accepting-yuan-instead-of-dollars-for-chinese-oil-sales-11647351541 (accessed: 12.09.2025).

[37] Salem A. China, India Acquire 60% of Iraq's Oil Exports in 2024 // Iraqi News. January 22, 2025. URL: https://www.iraqinews.com/iraq/china-india-acquire-60-of-iraqs-oil-exports-in-2024/ (accessed: 02.02.2025).

тябре 2019 г. Китай подписал соглашение «Нефть ради восстановления», в рамках которого местная Южная нефтяная компания (*Basra Oil Company*) заключила с *China's Hilong Oil Service & Engineering Co.* (ответвление китайской госкорпорации *China National Machinery Industry Corporation*, SINOMACH) контракт на работы с 80 нефтяными скважинами на гигантском нефтяном поле Меджнун (в провинции Басра на юге страны)[38].

В 2021 г. началась практическая реализация иракско-китайского механизма сотрудничества, связанного с договоренностями 2019 г. о финансировании инфраструктурных проектов за счет поступлений от части экспорта иракской нефти, а в январе 2024 г. китайская CNPC (через *PetroChina*) стала ведущим подрядчиком разработки месторождения Западная Курна-1 после выхода *ExxonMobil* из проекта. В начале 2024 г. стороны планировали довести выпуск до 600 тыс. барр./сут к концу года[39]. По данным *AEI China Global Investment Tracker*, 24 из 41 строительных контракта, заключенных Ираком с китайскими компаниями в период с 2007 по 2022 г., были связаны с энергетическими проектами, 15 из которых реализовала CNPC[40]. В 2021 г. Ирак стал крупнейшим получателем инвестиций в энергетические проекты в рамках инициативы «Один пояс, один путь»[41]. Недавно Китай объявил о своей готовности интегрировать инициативу «Один пояс, один путь» с иракским проектом «Дорога развития», нацеленным на улучшение транспортных и энергетических сетей и способствующим установлению связей Ирака с крупными торговыми центрами в Азии и Европе[42].

Доля Китая в экспорте сырой нефти *Омана* значительно увеличилась за последние годы. В 2023 г. Китай получил 92 % экспорта Омана сырой нефти и конденсата, что составило около 286 млн барр. Стоимость оманского экспорта сырой нефти в КНР оценивается примерно в 25 млрд долл. США[43]. Султанат является третьим по величине арабским поставщиком нефти в КНР и четвертым в мире, что составляет 7 % совокупного импорта нефти в Китай (см. рис. 2). Номенклатура оманского экспорта включает сырую нефть, метанол, параселен и полипропилен. Между тем, по мнению некоторых экспертов, китайцы недостаточно вкладываются в нефтяную отрасль султаната, и такая несбалансированность отношений ослабляет позиции Омана перед лицом нынешних экономических вызовов[44]. Несмотря на многолетние попытки диверсификации национальной экономики, на нефтегазовый сектор Омана приходится более 70 % государственных доходов[45].

На новый уровень вышло сотрудничество Китая с *ОАЭ*. В 2017–2018 гг. профильные компании двух стран подписали ряд соглашений: в частности, CNPC проявила инициативу по приобретению за 3 млрд долл. США доли в концессиях на разработку наземных и морских месторождений[46] и заключила с Нацио-

[38] Iraq Signs Contract with Chinese Oil Company to Complete 80 Wells in Iraq // Xinhua. September 7, 2019. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-09/07/c_138371964.htm (accessed: 15.08.2025).

[39] Mohammed A. ExxonMobil Hands Over Operations at West Qurna 1 Oilfield to PetroChina // Reuters. January 1, 2024. URL: https://www.reuters.com/business/energy/exxonmobil-hands-over-operations-west-qurna-1-oilfield-petrochina-2024-01-01/ (accessed: 12.09.2026).

[40] China's Growing Role in Iraq's Energy Sector (Report) // Iran Oil & Gas Network. June 8, 2023. URL: https://www.iranoilgas.com/news/details.aspx?id=25334&title=China%E2%80%99s+growing+role+in+Iraq%E2%80%99s+energy+sector+(Report (accessed: 12.09.2025).

[41] Wang C. N. Brief: China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2021 // Green Finance & Development Center. February 2, 2022. URL: https://greenfdc.org/brief-china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2021/ (accessed: 22.06.2025).

[42] Faraj M. China Willing to Link with Iraq's Development Road: Ministry // Rudaw. February 5, 2025. URL: https://www.rudaw.net/english/world/05022025 (accessed: 22.06.2025).

[43] Crude Petroleum in Oman: Bilateral Trade Profile // The Observatory of Economic Complexity (OEC). 2023. URL: https://oec.world/en/profile/bilateral-product/crude-petroleum/reporter/omn (accessed: 12.09.2025).

[44] Mogielnicki R. Oman's Bittersweet Economic Relations with China // The Arab Gulf States Institute in Washington. July 21, 2020. URL: https://agsiw.org/omans-bittersweet-economic-relations-with-china/ (accessed: 15.01.2025).

[45] 2025 Investment Climate Statements: Oman // U.S. Department of State. URL: https://www.state.gov/reports/2025-investment-climate-statements/oman (accessed: 12.09.2025).

[46] ADNOC Sales to Chinese Companies in 2018 Reach $7.9 Billion // Gulf News. July 23, 2019. URL: https://gulfnews.com/business/energy/adnoc-sales-to-chinese-companies-in-2018-reach-79-billion-1.65389122 (accessed: 12.09.2025).

нальной нефтяной компанией Абу-Даби (ADNOC) крупный пакет контрактов на общую сумму 1,6 млрд долл. США на сейсморазведку на суше и в море в эмирате Абу-Даби[47]. В июле 2019 г. ADNOC и китайская CNOOC договорились об изучении возможностей и обмене опытом в секторах добычи и переработки, а также в отрасли сжиженного природного газа[48]. О значимости сделки говорит и тот факт, что подписание состоялось в присутствии тогдашнего наследного принца Абу-Даби шейха Мухаммеда бен Заида Аль Нахайяна и председателя КНР Си Цзиньпина. В октябре 2021 г. ОАЭ объявили о своей стратегической инициативе «Нулевой уровень выбросов к 2050 г.»[49]. С тех пор Китай и ОАЭ постепенно расширяют кооперацию в области низкоуглеродных и возобновляемых источников энергии (Sim & Griffiths, 2024). В совместном заявлении от 2 июня 2024 г. стороны акцентировали внимание на значимости обеспечения энергетической безопасности и устойчивости[50].

Энергетическое сотрудничество стало основой отношений КНР с *Кувейтом*, что также нашло отражение в ряде соглашений. Так, в августе 2014 г. Кувейт заключил с *Sinopec Corporation* новый 10-летний контракт, предусматривавший удвоение поставок энергоносителей и более выгодные условия стоимости и фрахта. В последние годы Китай выступает здесь одним из главных подрядчиков по бурению нефтяных скважин. Китайские предприятия выиграли контракты на реализацию 64 проектов, охватывающих разные секторы кувейтской экономики (обслуживание и разведка нефтяных месторождений, инфраструктура, телекоммуникации) на общую сумму 13,7 млрд долл. США. Эти проекты стали знаковыми в китайско-кувейтском сотрудничестве. Кроме того, на 2017 г. кувейтской стороной было закуплено промысловое оборудование производства КНР на сумму более 635 млн долл. США, а корпорация *Sinopec* эксплуатировала в стране 53 буровые установки, контролируя более 45 % кувейтского рынка наземного бурения[51]. В июле 2018 г. еще одна китайская компания — *KERUI Petroleum* — заключила с кувейтской Action Real Estate Company (AREC) контракт на поставку двух интеллектуальных буровых установок для сверхглубокого бурения на сумму 100 млн долл. США. Ранее, в мае 2018 г., KERUI выиграла у *Kuwait National Drilling Company* (KDC) контракт приблизительно на 50 млн долл. США на поставку одной аналогичной установки[52].

В октябре 2018 г. Кувейт подписал с *Sinopec* меморандум о партнерстве при сооружении нового нефтеперерабатывающего завода на юге Китая. В том же году *Kuwait Petroleum Corporation* (KPC) и китайская *ShanDong Refining and Chemical Group* договорились о сотрудничестве по вопросам сбыта, транспортировки и хранения кувейтской сырой нефти. Сделка была направлена на расширение совместных инвестиционных платформ в нефтяной и логистической сферах. В 2022 г. китайская компания *Honghua Group* и *Kuwait Drilling Company* подписали новый контракт на поставку высококачественных наземных буровых установок и другого оборудования на

[47] China's CNPC Wins $1.6 Billion Seismic Survey Deals from ADNOC // Reuters. July 19, 2018. URL: https://www.reuters.com/article/markets/currencies/chinas-cnpc-wins-16-billion-seismic-survey-deals-from-adnoc-idUSKBN1K91KT/ (accessed: 12.09.2025).

[48] Godinho V. UAE and China Sign Strategic Oil and Gas Agreement // Gulf Business. July 22, 2019. URL: https://gulfbusiness.com/uae-china-sign-strategic-oil-agreement/ (accessed: 12.02.2025).

[49] The UAE's Net Zero 2050 Strategy. URL: https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/environment-and-energy/the-uae-net-zero-2050-strategy (accessed: 22.06.2025).

[50] United Arab Emirates, People's Republic of China Issue Joint Statement // Emirates News Agency (WAM). June 2, 2024. URL: https://www.wam.ae/en/article/b3goict-united-arab-emirates-peoples-republic-china-issue (accessed: 12.09.2025).

[51] China Becomes One of the Biggest Oil Drilling Contractors in Kuwait: Report // Global Times. July 16, 2017. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201707/1056580.shtml (accessed: 12.09.2026).

[52] KERUI Petroleum Obtained Over USD 100 Million Bid for Kuwait 3000HP Ultra-Deep Drilling Rig Project // Energy Industry Review. August 1, 2018. URL: https://energyindustryreview.com/oil-gas/kerui-petroleum-obtained-over-usd-100-million-bid-for-kuwait-3000hp-ultra-deep-drilling-rig-project/ (accessed: 12.09.2025).

сумму 435 млн юаней (примерно 60,03 млн долл. США)[53]. В 2023 г. Китай импортировал 179,9 млн барр. сырой нефти из Кувейта на сумму более 15 млрд долл. США[54]. Кувейт входит в шестерку крупнейших ближневосточных поставщиков нефти в Китай (см. рис. 2).

Китай к настоящему времени обогнал многие страны по объемам вредных выбросов в атмосферу. В значительной степени это происходит из-за того, что уголь пока еще удовлетворяет порядка 70 % внутренних энергетических потребностей Поднебесной. Природный газ является более приемлемым в экологическом плане, и вполне естественно, что Китай стремится заместить уголь импортом природного газа. И тот факт, что *Катар*, по данным на 2024 г., обладает 11,28 % мировых запасов природного газа[55], служит главным катализатором обоюдной заинтересованности Дохи и Пекина в поддержании и развитии двустороннего сотрудничества.

Сегодня Катар — один из шести крупнейших поставщиков СПГ в Китай. В 2021 г. поставки катарского СПГ составляли 7 % всего сжиженного газа, поставляемого в КНР[56], в 2022 г. — 15 %[57], а в 2023 г. — уже 23 %[58]. 22 марта 2021 г. *Qatar Petroleum* достигла договоренности с корпорацией *Sinopec* о ежегодной (в течение 10 лет) поставке в Китай 2 млн т СПГ[59]. Та же катарская компания в 2021 г. подписала с китайской корпорацией CNOOC 15-летний контракт о поставках 3,5 млн т СПГ начиная с января 2022 г.[60] Эта газовая сделка приобретает особое значение для Китая, рассчитывающего достичь к 2060 г. «углеродной нейтральности». Также китайская национальная нефтяная корпорация CNPC и *QatarEnergy* подписали в 2022 г. 27-летнее соглашение, в соответствии с которым Китай будет закупать 4 млн метрических тонн СПГ в год[61].

Хотя в Китае стремятся к переходу на зеленую и «чистую» энергетику, особенно за счет широкой кампании по развитию электрического автотранспорта (большие налоги на машины на двигателях внутреннего сгорания (ДВС), бесплатная парковка для электрокаров, ограничения для них на въезд в центр крупных городов), зависимость страны от импорта нефти и газа, по имеющимся прогнозам, к 2030 г. может вырасти до 80 % (Wang, Li & Li, 2018). По прогнозным оценкам Международного энергетического агентства и Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), в ближайшие годы энергетическая взаимозависимость Азии и Ближнего Востока сохранится и будет усиливаться: к 2050 г. импортная зависимость развивающихся стран Азии от нефти может приблизиться к 90 %, тогда как Ближний Восток сохранит статус ключевого экспортного региона, направляя

---

[53] China's Honghua Group, Kuwait Drilling Company Pen New Deal Worth 435 Million Yuan // Belt and Road Portal. October 22, 2022. URL: https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/284820.html (accessed: 22.06.2025).

[54] Top Suppliers of Crude Oil to China (2023) // Voronoi. July 21, 2024. URL: https://www.voronoiapp.com/energy/Top-Suppliers-of-Crude-Oil-to-China-2023-1857 (accessed: 20.09.2025).

[55] Annual Statistical Report 2024 // Organization of Arab Petroleum Exporting Countries (OAPEC). 2025. P. 18. URL: https://oapecorg.org/media/2b5842d2-7148-49cb-81ad-54f2b11d6bdb/-465237118/Annual%20Statistical%20Report/2025/Statistical%20Report%202024%20final%20E.pdf (accessed: 12.08.2026).

[56] Country Analysis Executive Summary: China // U.S. Energy Information Administration. August 8, 2022. P. 9. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/archive/pdf/china_2022.pdf (accessed: 20.08.2025).

[57] China Country Analysis Brief // U.S. Energy Information Administration. November 2023. P. 14. URL: https://web.archive.org/web/20250427090913/https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/pdf/china-2023.pdf (accessed: 12.09.2025).

[58] China's Natural Gas Consumption, Production, and Imports All Increased in 2023 // U.S. Energy Information Administration. August 14, 2024. URL: https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=62804 (accessed: 22.08.2025).

[59] Cocklin J. Qatar Petroleum Signs LNG Supply Deal with China's Sinopec // Natural Gas Intelligence. March 22, 2021. URL: https://naturalgasintel.com/news/qatar-petroleum-signs-lng-supply-deal-with-chinas-sinopec/ (accessed: 22.08.2025).

[60] Qatar Petroleum Signs 15-year SPA to Supply 3.5 MTPA of LNG to China's CNOOC // EuroPetrole. September 29, 2021. URL: https://www.euro-petrole.com/qatar-petroleum-signs-15-year-spa-to-supply-3-5-mtpa-of-lng-to-china-s-cnooc-n-i-22796 (accessed: 22.03.2025).

[61] Xin Z. CNPC Secures 27-year Agreement with Qatar Energy // China Daily. June 21, 2023. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202306/21/WS6492580ba310bf8a75d6b13a.html (accessed: 22.08.2025).

все большую часть морских поставок в азиатские экономики[62].

КНР прибегает к массированной покупке акций, чтобы в большей степени контролировать энергетические потоки, защитить себя от ценовых колебаний и снизить вероятность перебоев в поставках. Однако конфликтный потенциал Ближнего Востока и Северной Африки периодически грозит нарушить логистические маршруты, и, следовательно, как полагают эксперты, Пекину необходимо уделять больше внимания стабилизации ситуации в регионе, чтобы исключить подобные угрозы (Besada & Salam, 2017). Напомним, что американская стратегия по сдерживанию Китая выстраивается с обязательным учетом того же энергетического фактора.

Если США будут расширительно трактовать взятую на себя миссию охраны водных путей в Персидском заливе, распространяя ее на акватории Тихого и Индийского океанов, это может означать, что весь водный маршрут обеспечения КНР углеводородами попадает под американский контроль. Такая перспектива нежелательна для Пекина, и он может прибегнуть к неким шагам, которые не исключают его прямой вовлеченности в обеспечение безопасности в регионе (Савичева, Бребдани, Рыжов, 2022). Возможно, первым шагом на этом пути является выбор в 2017 г. маленького государства Джибути для строительства своей первой зарубежной военно-морской базы, что обеспечивает китайское силовое присутствие в Красном море и Индийском океане, а также в непосредственной близости от нефтяных торговых путей и Суэцкого канала. Это в полной мере согласуется с военной доктриной Китая от 2015 г., в которой прямо указывается, что «безопасность внешних интересов — источников энергии и ресурсов, стратегических морских коммуникаций, а также учреждений, персонала и активов за рубежом — стала насущной проблемой»[63]. Важность защиты зарубежных интересов и морских прав Китая была подчеркнута и в Белой книге по вопросам национальной обороны в новую эпоху за 2019 г.[64]

Таким образом, состояние нестабильности на Ближнем Востоке самым непосредственным образом влияет на региональную политику Пекина. Китайская сторона ощущает явный дискомфорт от того, что ВМС США контролируют маршруты транспортировки нефти из Персидского залива, в том числе идущие в сторону Южно-Китайского моря. Действительно, в случае, если события примут неблагоприятный оборот (например, вооруженный конфликт с вовлечением США, установление ими жесткой экономической блокады, давление Вашингтона на союзников в регионе и т. п.), Китай может быть отрезан от ближневосточных углеводородов. И такая возможная негативная динамика событий затронет реализацию проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» уже за пределами Ближнего Востока, усилив тем самым глобальную конкуренцию между США и КНР. Очевидно, что одной из причин посредничества Пекина в нормализации ирано-саудовских отношений в 2023 г. как раз стали опасения за безопасность путей транспортировки нефти из Персидского залива в Китай в случае открытого военного противостояния Эр-Рияда и Тегерана, а также возможного перекрытия последним Ормузского пролива — жизненно важной артерии для многих импортирующих нефть стран.

[62] См.: World Oil Outlook 2024: Global Interregional Crude Oil and Condensate Trade // Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). 2024. URL: https://publications.opec.org/woo/archive/chapter/129/2359 (accessed: 10.06.2026); International Energy Agency. World Energy Outlook 2024. Paris : International Energy Agency, 2024. P. 19. URL: https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/20058/1/WorldEnergyOutlook2024.pdf (accessed: 12.09.2025).

[63] China's Military Strategy (Full Text) // The State Council Information Office. The People's Republic of China. May 27, 2015. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2015/05/27/content_281475115610833.htm (accessed: 22.08.2025).

[64] Full Text: China's National Defense Policy in the New Era // The State Council. The People's Republic of China. July 24, 2019. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (accessed: 22.08.2025).

Заключение

В настоящее время Китай стал одним из самых влиятельных торговых партнеров арабских стран Персидского залива. Их тесное многоотраслевое сотрудничество, актуализированное прагматическими соображениями, во многом определит экономические перспективы и международно-политическую значимость обеих сторон в формировании многополярного мира. Потребность в энергоносителях и обеспечение собственной энергетической безопасности стала ключевой мотивацией политики Пекина в регионе. Серия официальных визитов на высоком уровне в нефтедобывающие страны Залива привела к заключению и реализации значительного количества долгосрочных контрактов в энергетической сфере, а также способствовала созданию многостороннего формата — Форума китайско-арабского сотрудничества. Это заложило фундамент для последующего стратегического партнерства, в том числе в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Энергетическое сотрудничество стало основой для углубления и расширения партнерских отношений и в других областях — инфраструктуре, финансах, высоких технологиях, культуре, образовании, медицине, туризме и др. Внешнеполитические инициативы КНР во многом сопряжены с амбициозными программами аравийских монархий по диверсификации своих экономик, что выводит сотрудничество Китая со странами региона на качественно новый уровень. Немаловажно, что это сотрудничество не ограничивается и не будет ограничиваться лишь взаимодействием в сфере углеводородов, а выходит далеко за его рамки и простирается на различные сферы: возобновляемая энергия, зеленая энергия, культурный обмен и разработка новых моделей искусственного интеллекта.

Вхождение ряда стран Залива, стремящихся сбалансировать свои традиционные связи с Западом, прежде всего с США, в БРИКС и Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве полноправных членов или партнеров по диалогу, несомненно, способствует расширению их взаимодействия с Китаем в различных областях. Однако эти объединения являются площадками для диалога по вопросам глобальной и региональной безопасности, энергетики и торговли, инвестиционного сотрудничества не только с Пекином, но и другими ключевыми международными акторами, включая Россию.

Поскольку турбулентность на Ближнем Востоке создает экономические и энергетические риски для Китая, он стремится к стабилизации ситуации в регионе посредством диалога и сотрудничества. В последние годы Пекин существенно нарастил и свое политическое присутствие в регионе, свидетельством чему стал успех китайской дипломатии в нормализации отношений между двумя политическими «тяжеловесами» — Тегераном и Эр-Риядом, при этом одной из причин такого посредничества стало стремление Пекина обезопасить собственный импорт энергоресурсов из зоны Залива, поскольку в случае военной эскалации между Ираном и КСА первый может закрыть Ормузский пролив, тем самым перекрыв любые поставки углеводородов из стран ССАГПЗ.

Как нам представляется, Китай останется зависим от поставок энергоресурсов с Ближнего Востока в ближайшей и среднесрочной перспективе, несмотря на предпринимаемые им попытки диверсифицировать источники энергии, особенно его стремление перейти на зеленую энергетику и активное лоббирование производства и массового использования электротранспорта. На этом фоне взаимовыгодные партнерские отношения Пекина и арабских стран Залива обеспечивают реализацию их национальных интересов, одновременно уравновешивая амбиции конкурирующих с ними государств.

Поступила в редакцию / Received: 23.10.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 23.01.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Грачиков Е. Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. Москва : Русайнс, 2015. EDN: TZSZKR

Грачиков Е. Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993–2018) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 3. С. 83–93. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93; EDN: RMTWKU

Дейч Т. Л. Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 3. С. 595–611. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-595-611; EDN: YPGZWP

Мелкумян Е. С. Султанат Оман — КНР: стратегическое партнерство // Азия и Африка сегодня. 2020. № 12. С. 46–50. https://doi.org/10.31857/S032150750012798-9; EDN: UNZTCV

Петрунина Ж. В. Китай и страны Ближнего Востока: история развития отношений во второй половине XX — начале XXI вв. // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2016. Т. 2, № 1. С. 16–20. EDN: WBDBHZ

Савичева Е. М., Бребдани А. М., Рыжов И. В. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 180–196. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196; EDN: NMVDUL

Томберг И. Р. Энергетика КНР в мирохозяйственном контексте. Москва : Институт востоковедения РАН, 2012. EDN: RUUXLN

Фролов А. В. Арабские ставки Пекина // Обозреватель. 2023. № 2. С. 25–35. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2023_2_25; EDN: JAGRNY

Ahmed G. K. In Search of a Strategic Partnership: China—Qatar Energy Cooperation, from 1988 to 2015 / ed. by T. Niblock, D. Sun, A. Galindo. The Arab States of the Gulf and BRICS : New Strategic Partnerships in Politics and Economics. Berlin : Gerlach Press, 2016. P. 192–206. https://doi.org/10.2307/j.ctt1hj9wkz.12

Al-Shafiy H. H. R. CNPC, CNOOC and SINOPEC in Iraq: Successful Start and Ambitious Cooperation Plan // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2015. Vol. 9, iss. 1. P. 78–98. https://doi.org/10.1080/19370679.2015.12023256

Besada H., Salam J. China's Energy Strategy in the MENA Region // China Quarterly of International Strategic Studies. 2017. Vol. 3, no. 4. P. 597–619. https://doi.org/10.1142/S2377740017500269

Çevik V.A. China's Energy Trade with the Middle East: A New Phase in China—Middle East Engagement // International Journal of Energy Economics and Policy. 2025. Vol. 15, iss. 1. P. 197–205. https://doi.org/10.32479/ijeep.17613

Clarke M. Beijing's Pivot West: The Convergence of Innenpolitik and Aussenpolitik on China's 'Belt and Road'? // Journal of Contemporary China. 2020. Vol. 29, iss. 123. P. 336–353. https://doi.org/10.1080/10670564.2019.1645485

Davidson C. The Persian Gulf and Pacific Asia : From Indifference to Interdependence. New York : Columbia University Press, 2010.

Fulton J. China—Saudi Arabia Relations Through the '1 + 2 + 3' Cooperation Pattern // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2020. Vol. 14, iss. 4. P. 516–527. https://doi.org/10.1080/25765949.2020.1841991; EDN: IYILJR

Han Z., Chen X. Historical Exchanges and Future Cooperation Between China and Oman under the "Belt & Road" Initiative // International Relations and Diplomacy. 2018. Vol. 6, no. 1. P. 1–15. https://doi.org/10.17265/2328-2134/2018.01.001

He K., Feng H. Beyond Balancing: China's Approach Towards the Belt and Road Initiative // Journal of Contemporary China. 2018. Vol. 27, iss. 112. P. 487–501. https://doi.org/10.1080/10670564.2018.1433476

Leung G. C. K., Li R., Low M. Transitions in China's Oil Economy, 1990–2010 // Eurasian Geography and Economics. 2011. Vol. 52, iss. 4. P. 483–500. https://doi.org/10.2747/1539-7216.52.4.483

Qian X. China's Energy Cooperation with Middle East Oil-Producing Countries // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2010. Vol. 4, iss. 3. P. 65–80. https://doi.org/10.1080/19370679.2010.12023162

Sim L.-C., Griffiths S. Renewable Energy Supply Chains Between China and the Gulf States: Resilient or Vulnerable? // Energy Strategy Reviews. 2024. Vol. 56. Art. 101605. https://doi.org/10.1016/j.esr.2024.101605; EDN: FBIPYV

Sun D. The Dragon Heads West: China—Arab Cooperation in the New Era // Georgetown Security Studies Review Conference Proceedings: China in the Middle East. 2015. P. 11–20. URL: http://en.mideast.shisu.edu.cn/_upload/article/files/d7/7a/1d26874645c095b7eb833c1e0964/36a44049-3e3f-430a-a4e2-a12a7af9f6f6.pdf (accessed: 02.02.2025).

Wang Q., Li S., Li R. China's Dependency on Foreign Oil Will Exceed 80% by 2030: Developing a Novel NMGM-ARIMA to Forecast China's Foreign Oil Dependence from Two Dimensions // Energy. 2018. Vol. 163. P. 151–167. https://doi.org/10.1016/j.energy.2018.08.127

Yao K. China—Arab States Cooperation Forum in the Last Decade // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2014. Vol. 8, iss. 4. P. 26–42. https://doi.org/10.1080/19370679.2014.12023253

Zeng J., Xiao Y., Breslin S. Securing China's Core Interests: The State of the Debate in China // International Affairs. 2015. Vol. 91, iss. 2. P. 245–266. https://doi.org/10.1111/1468-2346.12233

Сведения об авторах:

Савичева Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 6331-0848; ORCID: 0000-0001-8617-3508; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

Бребдани Аммар Мухсен — кандидат исторических наук, ассистент кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; ORCID: 0000-0002-0808-7521; e-mail: ammarbre1@gmail.com

Малаховский Алексей Кимович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; eLibrary SPIN-код: 5499-4579; ORCID: 0000-0002-6372-3455; e-mail: malakhovskiy-ak@ rudn.ru

Васин Андрей Алексеевич — аспирант кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 5280-7180; ORCID: 0009-0005-1607-8958; e-mail: vasin-aa@rudn.ru